

"День смолкает над жаркой землёй,
И, нетленной пылая порфирой,
Вот он сам, Аполлон молодой,
Вдаль уходит с колчаном и лирой".

Афанасий ФЕТ

МЫ НЕ ЛЮБИМ современное искусство — мы плёмёмся, не правда ли? Оно смотрит глазами чудовищ или выплывает бессмысленные танцы. Оно мертво и скучно. Многожды эпатажно и от этого вымученно и неинтересно. Грязно.

КОЛЧАН, ЛИРА И ПОРЯДОК

Выставка Алексея БЕЛЯЕВА-ГИНТОВТА и Михаила РОЗАНОВА

Тупиково. Мы отворачиваемся и уходим в тот музей, где — о радости! — представляют Рафаэля, Тициана или Айвазовского. На худой конец — Эрте и Бакста. Мы эстетсы, и мы в своём праве. Но! Здесь — подвох и вывих. Мы не хотим знать о том, что рождается прямо тут и сейчас. Да. Мы не виноваты! Нам уши прокужали Павлинским и арт-группой "Война", городскими сумасшедшими, драными феминистками, нечистью, пакостью. Всё это под вывеской modern art. Что вы хотите — закат Европы. Давно уже. Смиритесь и листайте пыльные фолгиаты. Какое диво там по курсу? Педерастические балеты, скандальные киношки, дурные вопли, корявые смыслы. Но это — коммерческая пена. А есть мастерство. О нём не пишут блогеры, живущие на доходы с рекламы. Его не мусолят на либеральных каналах и в глянцево-журналистских. Искусство — есть. Живо. Светит. Надо перестать быть ленивыми и нелюбопытными.

В Галерее актуального искусства RuArts (Москва, 1-й Зачатьевский пер., 10) проходит выставка современных неклассиков — Алексея Беляева-Гинтовта и Михаила Розанова. Название — "Порядок". Ordnung. Орднерная система античной гармонии. Линия, навсегда определившая путь нашей цивилизации. Словари гласят, что порядок есть гармоничное, ожидаемое, предсказуемое состояние или расположение чего-либо. Порядочный — значит хороший. Стало быть — норма. По-русски — лад. Ряд. По ряду. Бытийное разумение. Ясность цели — как у персонажей фильма "Строгий юноша", где белоснежные одежды, колонны и квадриги являли образ идеальной жизни. Порядок в греческо-философском смысле — победа Космоса над Хаосом. Именно поэтому античность — привлекает. Затягивает. Порождает всё новые "ренессансы". К фронтонам и колоннадам приходят, устав от "измов" и виньеток. От чрезмерной упрощённости и от избыточности. Античность — золотое сечение, давным-давно вычерченное. Знакомое, но от этого ничуть не надоевшее. Итак, фотограф и художник в борьбе за Космос, который и есть — порядок.

Называть Гинтовта и Розанова постмодернистами как-то язык не поворачивается, ибо постмодерн — всегда стёб, разыгрывание. Улыбка сквозь пафос и чудо бурлеска. Вот скульптор Алексей Морозов с музами на севнях и нимфами при пулемёте — тот, безусловно, постмодернист, тем и прекрасен. Здесь же всё — весомо, зримо и, как писал Иван Ефремов, "бросая вызов равнодушной вечности...". Авторы предельно серьёзны — они же бьются с "кавардаком" во имя гармонии. Сражаются они, впрочем, по-разному. Розанов — интроверт. Он вообще предпочитает фотографировать музейные залы и анфилады... без людей. Выступает созерцателем руин в Пестуме — хрестоматийного пункта туристических маршрутов. Это диво приметил ещё Джованни Пиранези в своих Vedute di Paestum: поражённый величием, он успел запечатлеть храм Геры для грядущих поколений. Увы, у Пиранези средь

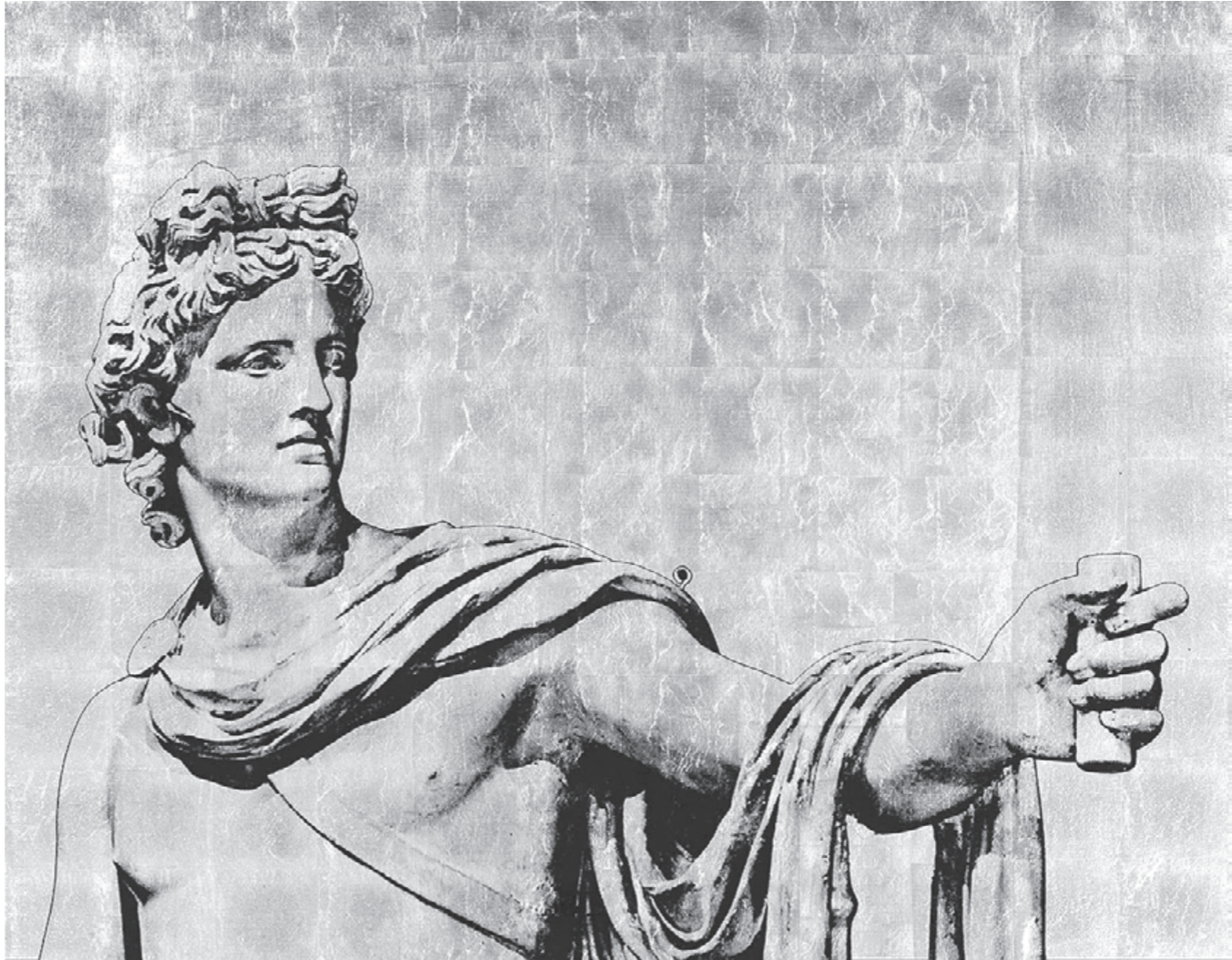
былых святилищ бродят путешественники, пастухи и мелкий рогатый скот. Пиранези, как персонаж фильма "Контракт рисовальщика", не выбирает детали — он просто фиксировал их. Розанов — пурист. В его вселенной никто не блуждает, даже он сам — будто бы вне пространства и времени. Есть точка сборки — VI век до Рождества Христова. Становление цивилизации. Рассвет Европы. Неслучайность выбора — эпоха, когда античный гений наконец-то выпестовал форму и содержа-

ние. Храмы Пестума считаются границей перехода от так называемой "архаики" к высотам классики. Всё выше небо, всё ближе звёзды. Хаос — отступает. На громадных — метр на три! — фотографиях мы видим фрагменты колонн, архитрава, метоп. Автор любуется каннелюрами в лучах солнца. Игра теней. Свето-теней. Выбор волнующих ракурсов. Идёт по пути Александра Родченко с его балконами, радиомачтами и трамвайными путями. Объект прекрасен сам по себе — углами и выбоинами. Быть одновременно Пиранези и Родченко, оставаясь при этом узнаваемым Розановым, — маршрут нелёгкий, зато увлекательный. Ещё труднее создавать шедевр после шедевра. Фото многоизвестной, всеми знаемой достопримечательности. Храм Пестума — эталонное созвучие природы и рукотворности. Греки умело вписывали сооружения в ландшафт: они верили в гениальность Природы и боялись нарушить её покров. Более того, рассчитывался угол зрения: храм должен производить впечатление со всех сторон и с любой обозримой точки. Свет проскальзывал меж колонн, являя волшебное сияние. Михаил Розанов оказался один на один с головокружительной задачей — уловить все тонкости. Он скрупулёзен, умеет подолгу всматриваться в натуру, а на выходе мы получаем лёгкие, наполненные воздухом фотографии. Розанов сумел вывить античный ряд-порядок, поймал тот самый луч и дал нам возможность ещё раз удивиться.

Алексей Беляев-Гинтовт, как бы в противовес, боевит и яростен. Вовне. Его искусство — сплетение традиционных и футуристических начал. Чистый, огневой большевизм. Вспоминается "красная дорика" Ивана Фомина — одного из культовых архитекторов предвоенной эпохи. Фомин обосновывал, что дорический стиль, одобренный динамикой дня, есть лучшее выражение революционного искусства. Будущего. Завтра. "Аполлон, как бог всех сил, творящих образами, есть в то же время и бог, вещающий истину, возвещающий грядущее", — сказано у Фридриха Ницше, а Гинтовт пишет невиданное царство Аполлона. Наш "покровитель муз" вовсе не мирный красавец с кифарой. Художник представляет своего Аполлона-разящего. На золотом фоне. Порядок не может выстроиться сам собой — его надобно завоевать. Золото — свечение и, как читаю-перечитано у всё того же Ницше, "Он, по корню своему "блещущий", божество света, царит и над иллюзорным блеском красоты во внутреннем мире фантазии". Исследователь славянской праистории Борис Рыбаков убеждал, что близнецы Аполлон и Артемида связаны с Гипербореей, с нордом. Это уже потом они подверглись оккультурированию, превратившись в галантих небожителей. Изначально это суровые и неласковые боги. Однако милостивые. Будь верен богам, и они помогут тебе. Король-Солнце Людовик XIV примерял на себя лик Аполлона — даровал и карал, танцую в пыльных балетах. Аполлон — старинно-усадебная тема. Русские двор-

Фото из проекта «Порядок» (2017). Автор — Михаил РОЗАНОВ

«Аполлон» (2017). Картина Алексея БЕЛЯЕВА-ГИНТОВТА

цы-поместья с неперменным портиком и колоннадой, чтобы издали было видно. Любому, кто едет на бричке за мёртвыми душами или за вдохновением. И солнярный бог посреди северного лета, в глуши парковых роз — возле беседки, где барышня оставила томик Ричардсона или Руссо. Новых Аполлонов открыла Империя Сталина, утверждая строй-порядок. Возвешенный экстаз и нищенская воля к власти — основной инстинкт хомо-сапинас. Так возник сталинский ампиризм с "пролетарскими" балюстрадами, ротондами и пилястрами — стиль героев, менталитет и учёных. Аполлон Гинтовта — это и Людовик-Солнце, и "Строгий юноша", и вечная тема русской

Гипербореи. Он словно вбирает в себя то значимое, что во все века было присуще аполлоновой сути.

Экспозиция целиком посвящена этому феномену — Аполлону как символу порядка. Неслучайно у Ницше разумность и осмысленность в искусстве относятся к аполлоническому первооснову. С другой стороны, ошибочно полагать её холодной и аскетичной. Напротив, "Здесь ничто не напоминает об аскезе...; здесь всё говорит нам лишь о роскошном, даже торжествующем существовании, в котором всё наличное обожествляется, безотносительно к тому, добро оно или зло. И зритель, глубоко поражённый, остановится перед этим

фантастическим призраком жизни". Речи философа как нельзя лучше соответствуют характеру выставки. Аполлон — культ ликующей светозарности, которая может обернуться трагедийной патетикой. Отдельный пункт — лаконичное оформление. Без лишнего и мешающих предметов. Респектабельно! Белье стены, яркий, но при этом умиротворяющий свет. Мы наблюдаем за бесконечностью, вспоминая диалоги из ефремовских книг: "Разве не ощущала ты просветления и радости среди колонн Парфенона, в портиках Дельф и Коринфа?". Колчан, лира и порядок. Да будет свет!

Галина ИВАНКИНА

СПАСИТЕ МЕЙНСТРИМ!

Фестиваль независимой музыки «Индюшата» прошёл в двадцать седьмой раз

Стоит сказать, что в финал попали такие группы, с которыми можно тут же начинать работать по обкатанным схемам. Брать песни, доводить до ума, записывать и сразу ставить в радиоэфир, снимать клипы и крутить их по федеральным музыкальным каналам, набивать группы в обоймы фестивалей. Как мне показалось, при отборе команд искали в первую очередь не новизну, а качество, при этом соответствующее формату. Когда-то подобный подход возмущил меня сильнее, чем отсутствие зонга в ливень. Но теперь, как мне кажется, ситуация с музыкой в России меняется, причём на всех уровнях. То рэп-баттл отечественных исполнителей попадает на вершину рейтинга Ютуба, то будто бы сами собой возникают действительно андеграундные фестивали, причём не просто возникают, а с каждым годом наращивают обороты. Чуть ли не каждый день в Москве можно найти концерт практически любого жанра, вплоть до самых экстремальных. Ладно, чтобы послушать harsh noise иногда приходится подождать неделю, а то и месяц, но потребность даже в таких, казалось бы, абсолютно неформатных мероприятиях существует, и она несомненна.

Складывается парадоксальная ситуация, в которой то, что было лет десять назад мейнстримом, то, во что упиралась каждая начинающая группа, то, что легко брала заполнять время любая площадка, нуждается нынче в поддержке. Традиционные методы распространения музыки, главный из них — радио, медленно, но неминуче умирают. А значит, скоро, быть может, уже в ближайшие годы само понятие мейнстрим станет настолько размытым, что окажется на грани исчезновения. Ведь больше не будет того "потока", который можно заполнить однородным контентом. Каждый сам станет волен выбирать, на что потратить собственное время. Постепенно, таким образом, начнёт отмирать и привычка оглядываться на чужое мнение (но это только если продолжить существовать цифровое пиратство и за каждое "исследование" не придётся платить реальным рублём).

"Индюшата-2017" — попытка выпестовать тот самый мейнстрим-рок, который ты ловишь по радио во время долгих поездок между городами, когда весь плейлист уже прослушан (быть может, дважды). Это мейнстрим с душой. Одна из важнейших его функций — инициация неопитов. Чтобы понять более "глубокие" произведения жанра, нужно иметь точку отсчёта. Ещё музыку, которая хотя бы чуть-чуть нравится практически всем, можно без опаски ставить на вечеринке, пусть играет.

В нынешнем году изменилось сценическое поведение Александра Кушнира — создателя и бесменного главы оргкомитета "Индюшат", открывшего фестиваль и объявлявшего каждую группу. Самоирония, доходящая до мрачного сарказма, одобренная актуальными молодёжными словечками и речевыми конструкциями, — на мой взгляд, это ещё один при-

знак того, что намерения "Индюшат" стали серьёзные. А возможно, у фестиваля заканчивается число попыток громко прозвучать, ведь ни для кого не является секретом мистическая связь между рок-музыкой и числом двадцать семь.

В этом году на сцену "16 тонн" возшла только одна столичная команда, все остальные были приезжие. Причём подавляющее большинство групп пело на английском, поэтому, когда зрители улавливали родную речь, они сразу начинали прислушиваться внимательнее.

Победителем стала Юлия Тимонина из Одессы. Была так, что разуму не за что зацепиться — нет какой-то разительной новизны формы или блеска эстетик, но что-то в душе отзывается, и ты понимаешь: тут не пусто. За это ощущение музыканты, если верить легендам, продают собственную душу.

Мой личный приз зрительской симпатии получает команда Hell Bruizes из Москвы. Это трио выдаёт разудалый stoner, при этом постоянно кивающий в сторону The White Stripes. Именно во время их выступления я почувствовал в музыке энергию. Эти трое были самой тяжёлой командой фестиваля и самой громкой. Под их атаку зрители, наконец, проснулись и начали двигаться. Сначала заторможенно и с неохотой, а потом уже не отдавая себе в этом отчёта. В группе поёт девушка, она же играет на бас-гитаре, а этот архетип не умрёт, пока жива сама рок-музыка.

В первый день выступали "ACEROCKET" из города Изумрудный. Представьте себе смесь Red hot Chili Peppers, Rage against the Machine и Kraftwerk. Именно такую музыку и выдаёт данная банда. Их выступление прошло без единой заминки, и мне показалось, что данная команда уже готова к плотному гастрольному графику. Правда, им чего-то всё ещё не хватает для того, чтобы их можно было назвать будущими звёздами.

Остальные группы показались мне взаимозаменяемыми. Не знаю, почему так происходит. Возможно, из-за того, что фестиваль организуют одни и те же люди сообразно собственному вкусу. Я побывал на "Индюшатах", кажется, в четвёртый раз. И судите меня как хотите, но группы, за исключением нескольких, которые можно сосчитать на пальцах одной руки, можно переставлять в любом порядке, и от этого кумулятивный эффект воздействия фестиваля на зрителя не изменится. Тут хочу добавить, что почти все увиденные мною за это время группы при должном старании могли бы занять своё место в музыкальной индустрии. Но им пришлось бы долго и напряжённо работать. А ещё мне хотелось спросить: какую музыку они бы играли, если б точно знали, что им осталось жить ровно месяц — и стали бы они заниматься этим вообще?

Алексей КАСМЫНИН

ПОКА В МОСКВЕ держалась погода и казалось, что не каждая осень одинаково ужасна, в клубе "16 тонн" два дня подряд проходил финал ежегодного фестиваля независимой музыки "Индюшата". И это хорошо. Значит, люди ещё не утратили способность совместно сопереживать абстрактному и не стихли те бниения, что порождают тягу к созданию музыкального контента.

Если фестиваль "Индюшата" состоится в следующем году, он будет старше Курта Кобейна, Эми Уайнхауса, Джими Хендрикса и Джима Моррисона. Я не знаю, как именно всё проходило, например, двадцать или двадцать пять лет назад, но фестивалю есть чем гордиться. Некоторые из его финалистов всё-таки получили свою порцию известности и даже смогли продолжить взбираться по шатким и кривым ступеням музыкальной карьерной лестницы. Jack Wood, "Обе две", "Курара" — неполный список открытий "Индюшат".

В 2017 году фестиваль, как мне показалось, обрёл чёткую цель: вывести команды молодых музыкантов на сцену и при этом сделать так, чтобы их дебютный столичный концерт не стал единственным. В итоге, двадцать седьмые "Индюшата" были похожи на спе-

циальное мероприятие, организованное ради смотра групп людьми, в той или иной степени олицетворяющими ответственную музыкальную индустрию. Временами создавалось ощущение, что в зале вообще нет случайных зрителей, которые пришли просто так, купив билеты. Кто-то, например, болел "за своих", кто-то следил за сценой, набрасывая в голову будущую статью, а кто-то сновал с камерой, пытаясь быстро и аккуратно двинуться сквозь толпу. Фотографов и операторов набралось больше, чем в прошлом и позапрошлом году.

Но самое главное — это состав жюри. В него вошли журналисты, продюсеры, музыканты, владельцы студий. Например, взглянуть на дебютантов пришёл Леонид Бураков, продюсировавший такие команды, как "Мумий Тролль", "Земфира" и "Братя Грим", а где-то за соседним столиком на сцену смотрела Елена Чистова, работавшая с группой "Агата Кристи". Есть стойкая легенда, что на западе существуют специальные люди, посещающие андеграундные концерты и высскивающие там будущих звёзд мирового масштаба. "Индюшата-2017" стали попыткой хоть как-то воссоздать этот процесс.

**ВАСЯ ЛОЖКИН И КАКИЕ-ТО ЛЮДИ.
"Во имя любви"**

*В небе полнолуние,
Выйду в поле чистое,
Страшным голосом захохочу.
Закричу, завою —
всё равно никто не слышит,
Как я любил тебя.*

ПОПЫТКА слушать на новом альбоме Ложкина-музыканта через Ложкина-художника, пожалуй, обречена на провал. Тут нет хтонических алконавтов, зашуганных зайцев, обаятельных медведей и фирменных котов. Исключение только "Разноцветные люди", да и они ближе к ложкинским байкам, а не к обитателям Кобылязовска. И от задорного буйства времён "Хомячка-мутанта" песни отличаются. Видимо, пришло время Ложкина-лирика — сумрачного, наблюдательного, пусть он по-прежнему скромничает по части своих талантов и заслуг. "Дюжина песен, посвящённых любви как процессу, как явлению, переживаниям от нехватки и последствия переизбытка оного чувства. В музыкальном плане — это гремячая смесь оглушительных какофонических звуков, сопровождающихся истерическим выкрикиванием всякой галиматии. Не каждый сможет осилить и дослушать до конца. С другой стороны — там же и мелодические песнопения женскими приятными голосами. Это самое необычное творение этого музыкального ансамбля. В альбоме нет никаких шуток, иронии, никакого намека на юмор, всё только суровое, хмурое и суперсерьёзное, что аж сводит зубы и хочется с разбегу удариться головой о стену. Вопли животных в брачный период, шум и грохот от падающих астероидов на спальные окраины городов, вой ветра, рёв гитар и стон скрипки. Короче говоря, музыка не для всех", — аттестация от создателей "Во имя любви".

На композиции Ложкин не скупится, возможно, следуя за любимым Томом Уэйтсом: "Единственная причина, по которой стоит писать новые песни, — то, что ты устаёшь от старых".

Это второй альбом в формате "Вася Ложкин и какие-то люди", а всего у Ложкина в обзоримом пространстве дисков и интернета таковых насчитывается шесть, и это не считая ударных опусов под маркой "Эбонитовый коготун", которых хватило бы, как минимум, на отдельный DVD.

Однадцать новых песен плюс вариация "Как я любил", доселе выходявшая на солнышке "Крики лысого дурака". "Если прорвёшься через первые две песни, дальше хорошо пойдёт", — пожал плечами сам Ложкин. Хотя и первая "Душа" вполне тянет на программную и придаёт большой объём и суровым мужским историям, и разбитым девичьи грёзам. Не всё равноценно, но есть и заведомые хиты, вроде "Хочется любви", и скрытые фавориты, и тёплые лошадики.

По названию сначала я предположил, что звучит привет блобкостеру двадцатилетней давности питевских товарищей из "Н.О.М." — "Во имя разума", однако Ложкин предположение отверг. Факт: скорее можно найти интонации, близкие, например, тому же Леониду Фёдорову. И это по-своему определяет настроение пластинок.

Стиль обычно определяют как джаз-панк — для краткого слова, видимо. Скорее это пост-ню-вейв, в который вторгаются элементы ска, альтернативы, фолк-рока, городского романа и много чего ещё.

Как и в случае с картинками — главное не как, а что спето: идея песни. Хотя и музыканты причинные, активно в альбоме проявляются голосистая всеобщая любимица Катя Косякова, а ещё звучит вокал Ирины Яковской из группы "Видели! Знаем".

Есть большой соблазн нащупать в альбоме заложенную структуру. Ибо песни альбома идут своим осмысленным порядком, порой переходя одна в другую или же имея зеркальное продолжение. Мало того, что есть неизбежные символические образы, но и какие-то странности, вроде "стеклянных глаз", переходят из песни в песню. Цепкими строчками и формулами Ложкин и компания "угощают досыта": "меня загрызут насмерть чьи-то беззубые рты", "солнце во мне погасло, а звёзды ещё не зажглись", "остаюсь внутри оглушающей тишины".

Как некогда изрёк Пётр Николаевич Мамонтов (и эти строки вполне могут быть эпиграфом к альбому):

*Любовь — это болезнь.
Любовь —
такая страшная болезнь.
Я, наверно,
возьму больничный лист.*

Андрей СМЕРНОВ

20 октября 20.00

"Рюмочная в Зюзино" (проезд: м. Каховская, ул. Болотниковская, 21, стр.3)

концерт-презентация альбома "ВО ИМЯ ЛЮБВИ"

Справки по тел.: +7 (903) 792-73-93

Евгений ГОЛОВИН. Где сталиваются миражи. Европейская литература: очерки и эссе 1960-1980-х годов. М.: Наше Завтра, 2014. — 384 с.

Книга издательства "Наше Завтра" знакомит читателя с Евгением Всеволодовичем Головиным, эссеистом 60-х — 80-х. Напечатанные и ненапечатанные работы той ранней поры посвящены литературным темам. Очерки и эссе, извлечённые из архивов, составляют яркую палитру поэтической эрудиции Головина. Статьи — портреты зарубежных поэтов и прозаиков, очерки взаимоотношений поэзии и музыки, поэзии и математики — всё это интереснейшая предыстория философской эссеистики 90-х — 2000-х.

Справки по телефону: 8 (495) 951-19-02.